

Каллаш Владимир Владимирович

Рабства враг

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Владимирович К.**
Рабства враг / Каллаш Владимир Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2023. –
46 с.

ISBN 978-5-519-87796-1

ISBN 978-5-519-87796-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ты побудило упрямую природу къ рожденью чадъ новыхъ;
 Даже летучи пары ты заключило въ яремъ;
 Молнью небесну сманило во узы желѣзны на землю
 И на воздушныхъ крылахъ смертныхъ на небо взнесло:
 Мужественно сокрушило желѣзны ты двери призраковъ,
 Идоловъ свергло къ землѣ, что міръ на землѣ почиталъ;
 Узы прервало, что духъ нашъ тягчили, да къ истинамъ новымъ
 Молнѣй крылатой парить, глубже и глубже стремясь.
 Мощно, велико ты было, столѣтье! Духъ вѣковъ прежнихъ
 Паль предъ твоимъ алтаремъ ницъ и безмолвенъ, дивясь,
 Но твоихъ силъ неостало къ изгнанію всѣхъ духовъ ада,
 Брызжущихъ пламенный ядъ чрезъ многотысячный вѣкъ—
 Ихъ неостало на бѣшенство, ярость, желѣзной ногою
 Что подавляютъ цвѣты счастья и мудрости въ насъ.

Жертвенники все еще обагрываются кровью, человѣкъ все
 похожъ на лютаго тигра; бурно мечется еще по мирнымъ доли-
 намъ и лугамъ пламенникъ браней, съ его мрачными спутни-
 ками—лютостью, буйствами, голодомъ и моромъ. Въ душу поэта
 невольно закрадывается страшный вопросъ:

Иль невозвратенъ на вѣкъ миръ, дающій блаженство народамъ,
 Или погразнеть еще-ахъ!—человѣчество глубже?

Но изъ вѣдръ самого столѣтія исходитъ «гласъ утѣшенья»:

Срини отчаянье! смертный, надѣйся: Богъ живъ!...
 Вѣчна едина премудрость. Побѣда ее увѣнчиваетъ...
 ...Уже гонить свѣтъ дня нощи угрюмую тьму...

Боязнь за просвѣщеніе въ мрачную эпоху террора смѣняется
 такимъ образомъ у Радищева бодрою вѣрою въ близость «бла-
 гого утра». Какъ все это типично для XVIII в.!

Вѣкъ созиданія и разрушенія, торжества разума, ужасовъ
 террора и неистовствъ реакціи, высокаго расцвѣта науки и глу-
 бокихъ мистическихъ увлеченій, онъ дѣйствительно былъ «бе-
 зумнымъ и мудрымъ», достойнымъ проклятій и удивленія.

Madame de-Staël вдумчиво указала на его пороги причину,
 благодаря которой мы, далекіе потомки, должны быть скромнѣе
 и справедливѣе въ его оцѣнкѣ: «XVIII столѣтіе высказывало
 слишкомъ безусловно свои принципы; XIX, можетъ стать, бу-
 детъ чрезчуръ подчиняться фактамъ. Первое вѣрило въ абсо-

лютную природу отношеній; второе — будетъ вѣрить только въ обстоятельства. Первое хотѣло повелѣвать будущностью, второе — ограничивается изученіемъ человѣчества».

Теперь, послѣ болѣе чѣмъ столѣтняго опыта, его легче судить, но многому у него можно и поучиться...

То, что на Западѣ было часто сложнымъ и парадоксальнымъ, еще болѣе осложнялось, запутывалось и дѣлалось противорѣчивымъ на нашей почвѣ, на которой своеобразно скрещивалось и переплеталось свое и чужое, старое и новое. Въ результатъ получалась пестрая амальгама, не разложенная еще и до сихъ, полная самыхъ разнообразныхъ красокъ.

Что такое нашъ XVIII в. и въ частности Екатерининская эпоха?

«Эта была пора высокихъ каблуковъ, расшитыхъ драгоценными камнями и металлами камзоловъ, церемонныхъ менуэтовъ, пудренныхъ париковъ и аршинныхъ головныхъ уборовъ, жеманныхъ щеголихъ, философствующихъ петиметровъ, стотысячныхъ иллюминацій, колоссальныхъ фортувъ для случайныхъ людей, громогласной эпической «трубы», которой вторили гармонические звуки «нѣжныя лиры». Тогда много толковали о свободѣ — и закрѣпощали сотни тысячъ вольныхъ казаковъ и крестьянъ; тогда много спорили о правахъ человѣка — и продавали крѣпостныя семьи враздробъ съ «приплодомъ»; тогда просвѣтительныя идеи широкимъ потокомъ пронесли по русской землѣ, но мракъ тогдашней русской жизни не только не разсѣялся, но даже мѣстами сгустился»¹⁾.

Великій сатирикъ земли русской, Грибоѣдовъ, съ изумленіемъ останавливался передъ двойственностью людей этого вѣка, никакъ не могъ помирить у нихъ «извнѣ рыцарство въ нравахъ, въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства», понять «смѣсь пороковъ и любезности», объяснить себѣ, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ драться какъ левъ съ турками при Суворовѣ, по-

1) См. наши «Очерки по исторіи школы и просвѣщенія». М., 1902, стр. 69.

томъ пресмыкаться въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, а въ отставку жить сплетнями.

«Никогда такъ не веселились на Руси, какъ въ эту эпоху. Блестящія побѣды, ослѣпительныя празднества, роскошь дворца, къ которому душой стремилось все дворянство, и какъ мотыльки около огня, обжигало себѣ крылья, разорялось отъ непосильныхъ тратъ,—захватывающій, жизнерадостный, «улыбательный» тонъ жизни—и приступы безумной, страшной тоски. Подъ блестящей внѣшностью скрывались тяжелые, болѣзненные жизненные процессы, которые такъ или иначе давали себя знать. Пѣвца Фелицы, большого любителя «забавнаго русскаго слова», «правды въ шуткахъ» и «истины съ улыбкой», отъ времени до времени охватываетъ болѣзненный ужасъ смерти, непонятной стихійной силы: при одной мысли о ней «цѣпенѣтъ кровь и духъ мятется». Великолѣпный князь Тавриды, Потемкинъ, тоже своего рода «сынъ роскоши, прохлады и нѣгъ», постоянно переходитъ отъ удалого разгуля къ взрывамъ глубокой тоски, жестокаго сплина. На минуту даже отуманивается устойчивое «веселонравіе» самой императрицы. Прислушайтесь, сколько затаенной душевной боли въ слѣдующихъ словахъ одного изъ типичныхъ сыновъ этого страннаго вѣка, Добрынина: «Бѣдное и бѣдствующее твореніе человѣкъ! Его мысль, его рѣзкая, мучительная и даже ядовитая чувствительность, такъ и пріятныя иногда минуты и самая жизнь кажутся ему неограниченными временемъ; но въ самомъ дѣлѣ одна уже во мрачный ужасъ облеченная смерть достаточно его просвѣтитъ, что обитаемый нами шаръ не имѣетъ ничего прочнаго». Маленькіе культурные успѣхи въ разныхъ областяхъ — одна капля сравнительно съ цѣлымъ моремъ зла, произвола, насилія и невѣжества, которыми была полна тогдашняя общественная жизнь; свѣтъ истины и добра тогда еще еле-еле мерцалъ, да и позднѣе не такъ уже ярко разгорѣлся. Вотъ хоть бы знаменитый Шешковский (послѣ всего краснорѣчія «просвѣтительныхъ» идей «Наказа»), который, по современному свидѣтельству, свои разговоры съ попадавшими въ его руки «знат-

ными персонами» начиналъ съ того, что «хватить палкою подъ самый подбородокъ, такъ что зубы затрепчатъ, а иногда и по-выскакиваютъ»¹⁾.

Загляните въ душу наиболѣе чуткихъ и вдумчивыхъ людей XVIII в., и вамъ сдѣлается прямо страшно: отъ большинства изъ нихъ такъ и вѣетъ даже не отвращеніемъ къ жизни и чело-вѣчеству, а какимъ-то потрясающимъ ужасомъ передъ ними, который приводитъ къ сумасшествію или самоубійству,—отъ котораго пробуютъ искать убѣжища въ глубинахъ мистицизма или дебряхъ метафизики.

Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ.

Въ 1793 г. рѣшилъ покончить съ собой богатый и образо-ванный ярославскій помѣщикъ Опочининъ, которому пришлось невтерпѣжъ отъ тогдашней русской дѣйствительности. Вотъ наиболѣе характерные отрывки его завѣщанія, написаннаго въ послѣднія минуты: «Смерть есть не иное что, какъ переходеніе изъ бытія въ совершенное уничтоженіе... Послѣ смерти нѣтъ ничего!... Я никакой причины не имѣлъ пресѣчь свое существо-ваніе. Будущее, по моему положенію, представляло мнѣ свое-вольное и пріятное существованіе. Но сіе будущее миновало бы скоростижно. А напослѣдокъ самое *отвращеніе къ нашей рус-ской жизни* есть то самое побужденіе, принудившее меня рѣшить самовольно мою судьбу»...

Сдѣлавши затѣмъ нѣсколько распоряженій относительно своихъ крестьянъ (однихъ отпустивши на волю, другимъ—пода-ривши весь хлѣбъ, находившійся въ амбарахъ), онъ переходитъ къ тому, что для него было дороже всего на свѣтѣ: «Книги!... Мои любезныя книги!... Не знаю, кому оставить ихъ. *Я увѣренъ, что въ здѣшней сторонѣ онѣ никому не надобны*... Прошу по-корно моихъ наслѣдниковъ предать ихъ огню... Онѣ были пер-вое мое сокровище; онѣ только и питали меня въ моей жизни; онѣ были главнымъ пунктомъ моего удовольствія. Напослѣдокъ,

1) Тамъ же, стр. 69—70.

еслибы не онѣ, моя жизнь была бы въ непрерывномъ огорченіи, и я бы давно оставилъ съ презрѣніемъ сей свѣтъ...».

За послѣднее время много разъ пытались реабилитировать и идеализировать Екатерининскую эпоху, но всѣ подобныя попытки блекнуть и блѣднѣютъ передъ этимъ отчаяннымъ воплемъ, вырвавшимся изъ глубины души бѣгущаго изъ жизни и отъ жизни *лучшаго* человѣка своей эпохи...

Но какъ 'никакъ, въ ней лежатъ корни лучшихъ стремленій XIX в., слабые, хилые, иногда совсѣмъ раздавленные—и все же не потерявшіе своей жизненной силы, всхожалости.

Во второй половинѣ XVIII в. въ нашей общественной жизни начинаетъ заирать все большую и большую силу новый элементъ — общественная инициатива и самостоятельность¹⁾, общественное мнѣніе. Въ лицѣ своихъ депутатовъ общество было призвано верховною властью къ составленію проекта новаго уложенія; «Наказъ» пропагандировалъ передовыя идеи европейской политической мысли, вліялъ на политическое воспитаніе общества; «прабабушка» сатирическихъ журналовъ 60-хъ гг. XVIII в., «Всякая всячина», руководимая, какъ всѣмъ было извѣстно, самой императрицей, узаконивала общественную сатиру, критику темныхъ сторонъ русской жизни. Интенсивное общеніе съ Западомъ, переживавшимъ тогда одинъ изъ величайшихъ подъёмовъ мысли и творчества, вносило въ нашу среду небывалое количество новыхъ идей и настроеній.

Въ крѣпостнической обстановкѣ многое, конечно, звучало дико. Отъ перечитыванія «Духа законовъ» и «Энциклопедіи» часто переходили непосредственно къ собственноручной расправѣ надъ дворовыми и крестьянами; сочувствіе къ изображеннымъ съ такою трогательностью и силою Рейналемъ страдальцамъ обѣихъ Индій не исключало самыхъ грубыхъ злоупотребленій помѣщичьимъ правомъ. Проповѣдуя свободу слова, сама императрица очень опредѣленно намекнула Новикову еще въ 1769 г., что за

1) См. «Введеніе въ русскую исторію» П. Н. Милюкова, вып. III, лекція 4—7.

свободоязычіе можно поплатиться и Сибирью. Общество было еще слишком невѣжественно, чтобы наиболѣе чуткіе изъ литераторовъ не почувствовали всей безпочвенности и даже тщетности своей дѣятельности: сатира скользила по поверхности, не смѣла забираться слишкомъ вглубь и, конечно, почти ничѣмъ не отражалась на общественномъ воспитаніи. «Живописецъ» Новикова заставляетъ съ горькою ироніей одного отставленнаго отъ службы взяточника такъ издѣваться надъ безсиіемъ современной сатирической журналистики: «Что ты изъ пустого въ порожнее переливаешь? Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную собачку моей жены, которая брешетъ на всѣхъ и никого не кусаетъ, и это называется—брехать на вѣтеръ. По-нашему, коли брехнуть, такъ уже и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другія собаки, а постельнымъ хоть и дана воля брехать на всѣхъ, только никто ихъ не боится. Такъ то и ты: пишешь все пустое. Кто тебя послушается или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опредѣляющихъ казни за преступленіе?»

Екатерина сама вызвала преувеличенныя ожиданія, которыми не съумѣла и не захотѣла удовлетворить, увлекшись платоническимъ идейнымъ флиртомъ съ французскими философами и сдавшись передъ пассивною, но устойчивою и сильною оппозиціей русскаго дворянства, возведшаго ее на престолъ. Движеніе, вызванное главнымъ образомъ ею, пошло мимо нея и даже противъ нея...

Новиковскій кружокъ, «познавши истинное состояніе своего отечества», понялъ, что его «соотчичамъ» прежде всего и больше всего «недостаетъ просвѣщенія», и взялся за широкую просвѣтительную дѣятельность, желая поднять русское общество до себя, подготовить почву для вліянія литературы и науки.

«Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XVIII в. русская интеллигенція занималась критикой темныхъ сторонъ русской жизни. Отчаявшись въ возможности этимъ путемъ подѣйствовать на правительство и реформировать нравы, образованные кружки перешли въ

80-хъ годахъ къ попыткамъ прямой общественной дѣятельности, къ непосредственной пропагандѣ своихъ общественныхъ идеаловъ и къ проведенію ихъ въ жизнь»¹⁾).

Это были первые, иногда робкіе и невѣрные шаги нашего идеализма — «на зарѣ русской общественности». За усвоеніемъ вѣдѣній культуры, камзоловъ, шпагъ и «перуковъ» слѣдуетъ увлеченіе «нѣжными и благородными» романическими чувствами, смѣняемое въ свою очередь все болѣе и болѣе увеличивающимся вліяніемъ европейской просвѣтительной литературы. На первый планъ выступаютъ жгучіе вопросы религіи, морали, философіи и политики, которые многихъ проводятъ къ внутреннему раздвоенію и даже душевному кризису и въ то же время мало-помалу дѣлаются крупнѣйшимъ факторомъ общественнаго прогресса.

Традиціонныя формы жизни и вѣры начали быстро изнашиваться и терять свой прежній кредитъ. Среди общей тревоги и напряженія начали складываться новыя міровоззрѣнія.

Далекое обыкновенно на Западѣ отъ злобы дня и вообще отъ жизни созерцательно-мистическое масонство дѣлается у насъ движеніемъ активнымъ и преимущественно практическимъ. Новиковъ на дѣлѣ показалъ, что можетъ дать умѣлая общественная организація. Чѣмъ могла быть на дѣлѣ и къ чему могла привести убѣжденная пропаганда новыхъ общественныхъ идеаловъ, пылкая и страстная, показала знаменитая книга Радищева...

Въ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» отразилась вся личность автора, со всѣми ея сильными и слабыми сторонами. И писатель, и его книга — наиболѣе яркія и характерныя явленія нашего просвѣщенія XVIII в. Напомнить о нихъ читателямъ тѣмъ болѣе умѣстно теперь, что 12 сентября прошлаго года минуло сто лѣтъ со дня трагической кончины Радищева.

1) П. Н. Милуковъ, тамъ же стр. 53.

II.

Свѣдѣнія о раннихъ годахъ жизни А. Н. Радищева очень скудны.

Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода (въ отдаленныхъ степеняхъ татарскаго происхожденія), захудалаго и небогатаго.

Отецъ его для своего времени былъ образованный человѣкъ и отличался рѣдкою гуманностью въ отношеніяхъ къ крестьянамъ, за что и пользовался ихъ безграничною любовью. Во время Пугачевского бунта крестьяне не только не выдали его мятежникамъ, но и спасли его дѣтей.

Дома въ деревнѣ Александръ Николаевичъ обучался, какъ и всѣ дворянскія дѣти того времени, русской грамотѣ по псалтырю и часослову. Приставленный было къ нему учитель-французъ оказался бѣглымъ солдатомъ и скоро былъ удаленъ. На счастье мальчика удалось помѣстить въ Москвѣ къ вліятельному и просвѣщенному родственнику Аргамакову, съ дѣтьми котораго онъ и воспитывался вмѣстѣ подъ руководствомъ француза-гувернера, на этотъ разъ человѣка образованнаго и вполне порядочнаго, бывшаго совѣтника руанскаго парламента. По всей вѣроятности, еще отъ него Радищевъ могъ усвоить нѣкоторыя идеи французскаго просвѣщенія.

Благодаря связямъ Аргамакова Радищевъ и его соученики имѣли возможность пользоваться и уроками нѣкоторыхъ университетскихъ преподавателей.

Онъ же выхлопоталъ разрѣшеніе помѣстить мальчика въ пажескій корпусъ, гдѣ Радищевъ и пробылъ съ 1762 по 1765 гг.

Планъ ученія въ корпусѣ былъ выработанъ Миллеромъ и отличался очень своеобразными чертами¹⁾.

1) *Сухомлиновъ*: «Исслѣдованія и статьи», т. I, стр. 543—544.

Для «воздержанія пажей отъ обыкновенныхъ ихъ рѣзвостей» въ нихъ нужно было «съ самаго начала вкоренять истинную любовь къ добродѣтели и омерзѣніе къ порокамъ» «нравоучительными разсужденіями», «чего ради для морали особливо опредѣляются нѣсколько часовъ». «Правила жизни подавать имъ можно въ примѣрахъ изъ Соломона или Сираха. За столомъ не бесполезно читать каждый день изъ какой-нибудь нравоучительной книги, дабы чрезъ то подать поводъ къ полезнымъ разговорамъ».

Какъ всѣ наши старинныя учебныя заведенія, пажескій корпусъ того времени отличался удивительною многопредметностью и сумбурною энциклопидичностью программъ. Тутъ и математика, геодезія, фортификація, артиллерія, механика и мораль, *естественное* и народное право (увлеченіе идеями перваго въ послѣдствіи Екатерина поставила въ большую вину Радищеву), и генеалогія, геральдика, церемоніалы, *сочиненіе короткихъ и по вкусу придворному учрежденныхъ комплиментовъ*.

Желая обучать всему, на самомъ дѣлѣ учили очень немногому, и пажи, повидимому, выносили изъ курса очень мало свѣдѣній. Зато они получали свѣтскій лоскъ и очень близко изучали придворный бытъ, прислуживая, по тогдашнему обычаю, за парскимъ столомъ. Можетъ быть, уже здѣсь тонкій и наблюдательный Радищевъ подмѣтилъ много такого, что потомъ дало ему яркіе краски для характеристики придворныхъ отношеній.

До сихъ поръ жизнь Радищева шла по протореннымъ и даже шаблоннымъ путемъ. Поворотнымъ моментомъ въ ней нужно считать его отправленіе, вмѣстѣ съ 11 товарищами, въ Лейпцигскій университетъ.

Екатеринѣ очень понравились свѣткость и образованность молодого графа Орлова, обучавшагося за границей въ Лейпцигскомъ университетѣ. Она задумала отправить туда нѣсколькихъ молодыхъ людей и подготовить изъ нихъ образованныхъ юристовъ.

Наша молодежь (самому старшему былъ 21 годъ, млад-

шему—12 лѣтъ) попала въ новыя условія, которыя всячески будили мысль и нравственное чувство.

Наблюденіе надъ ними поручили грубому, нелѣпому и крайне безчестному «гофмейстеру» Бокуму, лучше котораго, повидимому, не нашли въ пажескомъ корпусѣ. Онъ обкрадывалъ своихъ питомцевъ, морилъ ихъ голодомъ, обращался съ ними крайне презрительно и жестоко, а младшихъ даже подвергалъ позорнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Столкновенія и пререканія съ нимъ были первою жизненною школою для Радищева и его товарищей.

Они «впервые научились сознать чувство личнаго достоинства и отстаивать его отъ чрезмѣрно грубыхъ посягательствъ, впервые прониклись сознательной враждой къ произволу, съ горькими плодами котораго имъ пришлось свести такое близкое знакомство»¹⁾). Ихъ жалобы не доходили по назначенію или не вызывали должнаго вниманія; Бокуму изъ Петербурга читали нотаціи, и дѣлались прогнать его очень поздно, когда онъ успѣлъ обмѣняться пощечинами съ однимъ изъ воспитанниковъ, сдѣлался ихъ общимъ посмѣшищемъ и до крайности запуталъ ввѣренныя ему денежныя дѣла русской молодой колоніи.

Надзора за молодежью, собственно, не было никакого, и большая часть изъ нихъ увлеклась слишкомъ сильно соблазнами большого города, что губительно отразилось на здоровьи Радищева и въ особенности *Θ. Ушакова*.

Но была и положительная сторона въ ихъ заграничной жизни.

Передъ ними открылся свѣтлый и обаятельный міръ новыхъ идей, и для большинства, въ особенности для Радищева, навсегда уже «сладость возвышенныхъ мыслей» сдѣлалась основною потребностью души, прибѣжищемъ въ дни скорбей и гоненій, лучшимъ украшеніемъ жизни.

Геллертъ увлекаетъ ихъ высокимъ и искреннимъ моральнымъ

1) *В. А. Мякотинъ*: «Изъ исторіи русскаго общества». Спб., 1902 стр. 193—194.